

Государь

Никколо Макиавелли
Его Светлости Лоренцо Медичи

Соискатели милостей какого-нибудь государя имеют обыкновение угождать ему подношением самых дорогих своих вещей, а равно и тех, которые, на их взгляд, могут быть ему приятны; поэтому чаще всего государи получают в подарок скакунов, оружие, златотканую парчу, драгоценные ткани и тому подобные украшения, подобающие их званию. И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашел среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретенное вследствие длительного испытания современными делами и непрерывного изучения древних. Тщательно обдумав и пересмотрев свои мысли, я собрал их в небольшой книжке, которую и посылаю Вашей Светлости.

Хотя я и не считаю этот труд достойным Вашего внимания, [однако] надеюсь, что по своей доброте Вы не отвергнете его, ведь это драгоценнейшее с моей стороны подношение позволит Вам за ничтожное время усвоить все выношенное мной на протяжении долгих лет среди стольких скорбей и опасностей. Я исключил из своего сочинения риторические ухищрения, громкие и звучные слова, любые другие внешние приманки и украшения, которыми многие уснащают и усовершенствуют свои писания, ибо я желал, чтобы оно привлекало

к себе только разносторонностью взгляда и важностью предмета, и ничем другим. Не следует считать самонадеянностью притязание человека низкого и даже ничтожного состояния судить и устанавливать правила поведения для государей. Художники, зарисовывающие местность, располагаются внизу на равнине, чтобы приглядеться к характеру гор и возвышенностей, а чтобы обозреть низменности, забираются на вершины. Точно так же, чтобы постичь характер народа, необходимо быть государем, а распознать природу государя может только человек из народа.

Итак, пусть Ваша Светлость отнесется к этому небольшому подарку с тем же чувством, что и я; внимательно прочитав это сочинение, он убедится в моем горячем желании, чтобы Ваша Светлость достиг того величия, которое обещано ему фортуной и его высокими достоинствами. И если с высоты своего положения Ваша Светлость иной раз устремит взгляд вниз, он увидит, сколь мало заслужены мной сыплющиеся на меня тяжкие и непрестанные удары судьбы.

Глава I

Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается

Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты. Последние бывают либо наследственными, в которых долгое время царила династия их властителей, либо новыми. Новые принципаты могут быть таковыми в целом, как Милан при Франческо Сфорца, либо могут быть присоединены к наследственным владениям приобретшего их государя, как королевство Неаполитанское, завоеванное испанским королем¹. Эти новообетенные территории либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести.

Глава II

О наследственных принципатах

Я оставляю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте². Обращусь единственно к принципату и, следуя вышеизложенному плану, рассмотрю, каким образом можно поддерживать и сохранять единоличную власть.

¹ Имеется в виду Фердинанд Католический. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — предположительно речь идет о 18 первых главах, которые могли быть написаны до «Государя». Впрочем, упоминание о «Рассуждениях» могло быть и более поздней вставкой в готовый текст «Государя».

Прежде всего скажу, что наследственные владения, привычные к государям, происходящим из одного рода, гораздо легче удержать, чем новые, ибо достаточно не нарушать обычаев своих предшественников и следовать за ходом событий. Государь средних способностей в этом случае всегда сохранит свой трон, если только он не лишится его из-за вмешательства некоторой чрезвычайной и неодолимой силы, но и после этого он сможет вернуть себе власть, едва только захватчик столкнется с малейшими трудностями.

У нас в Италии, *in exemplis*¹, герцог Феррарский сумел противостоять нападкам венецианцев в 84 году, а также папы Юлия в 10-м только благодаря тому, что его семейство давно укоренилось в своих владениях². У природного государя меньше причин и меньше поводов для нанесения обид, поэтому его больше любят, и если бросающиеся в глаза пороки не навлекают на него ненависти, то он пользуется естественным расположением подданных. В древности и непрерывности властвования гаснут все помыслы и поползновения к новшествам, ведь один переворот всегда оставляет зацепку для совершения другого.

Глава III

О смешанных принципатах

Новый государь, напротив, сталкивается с трудностями. Прежде всего, если он присоединил новые владения к старым и тем самым образовал некое смешение, его положению угрожает первый естественный недостаток, присущий всем новым государствам и заключающийся в том, что люди охотно меняют правителей в надежде на лучшее, а потому часто восстают против них, но затем

¹ Например (*лат.*).

² Речь идет о двух герцогах Феррарских — Эрколе I Д'Эсте и его сыне Альфонсо I.

убеждаются на опыте, что они обманулись и стало еще хуже. А это вытекает из другой естественной и обыкновенной потребности, заставляющей нового государя притеснять своих подданных вооруженной рукой и другими способами, как это делают завоеватели, так что твоими врагами становятся не только противники твоего воцарения, но и с его сторонниками ты не можешь сохранить дружбу, ибо не сможешь ни оправдать их ожидания, ни прибегнуть против них к сильнодействующим лекарствам, будучи им обязанным. Ведь для вторжения в чужую страну даже располагающий сильным войском государь должен обеспечить себе содействие ее жителей. Вот почему Людовик XII Французский легко захватил Милан и тотчас же его лишился, для чего на первый раз хватило собственных сил Лодовико¹. Те же горожане, что открыли ворота перед королем, разочаровавшись в своих надеждах на будущие блага, которых они ожидали, не могли вынести неудобств нового правления.

Правда и то, что, покорив мятежные области вторично, труднее потерять их, потому что под предлогом подавления мятежа правитель может укреплять свою власть с меньшей оглядкой, наказывая провинившихся, выявляя неблагонадежных и защищая наиболее уязвимые места. Так что если в первый раз достаточно было герцогу Лодовико устроить на границе небольшой переполох, чтобы Франция лишилась Милана, то на второй весь мир должен был объединиться против нее и разгромить или изгнать ее войска из Италии; и все это объясняется вышеназванными причинами. Тем не менее оба раза Франция лишилась своего приобретения. Общие причины, почему это произошло в первый раз, мы уже обсудили. Остается сказать о втором случае и рассмотреть те средства, которыми располагал французский

¹ Лодовико Моро (Сфорца), изгнанный французами в 1499 г., а затем на время вернувшийся к власти.

король и всякий, кто находился бы на его месте, чтобы закрепить за собой завоеванное. Скажем, что завоеванные области, присоединяемые к прежним владениям завоевателя, либо составляют с ними одну страну и их население пользуется тем же языком, либо нет. В первом случае их совсем нетрудно удержать, особенно если они не привыкли к свободной жизни. Чтобы обезопасить себя, достаточно пресечь род правивших там государей, ибо других поводов для волнений, в силу общности обычаев и сохранения прежнего образа жизни, у населения не будет. Это можно было наблюдать на примере Бургундии, Бретани, Гаскони и Нормандии, которые с давних пор входят в состав Франции, и хотя язык их жителей несколько отличается, тем не менее они ладят с другими французами, придерживаясь сходных с ними обычаев. Желая сохранить за собой подобные области, завоеватель должен соблюдать два условия: во-первых, чтобы пресеклась династия их государей; во-вторых, оставить неизменными их законы и подати; тогда вскоре эти области составят единое целое с твоими прежними владениями.

Но когда приобретают территории в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям, вот тут начинаются трудности, и, чтобы не потерять их, потребуются великая удача и великое умение. Одно из самых лучших и действенных средств в этом случае состоит в том, чтобы завладевшее ими лицо само переселилось в этой край. Это придаст завоеванию надежность и долговечность; так поступил турецкий султан с Грецией¹. Не перенеси он туда свое местопребывание, ему бы там ни за что не удержаться, невзирая на все остальные меры, принятые им для сохранения этого государства. Находясь на месте, ты можешь распознавать будущие бес-

¹ Турецкий султан Мехмед II перенес свою столицу в завоеванный им в 1453 г. Константинополь.

порядки еще в зародыше и легко справляться с ними; в противном случае известие о них доходит, лишь когда они уже в разгаре и поздно что-либо делать. Кроме того, ты не оставляешь страну на разграбление своим чиновникам; для подданных облегчается прямой доступ к государю, отчего у добропорядочных граждан бывает больше оснований для расположения к нему, а у бунтовщиков — для опасений. Внешний враг хорошенько подумает, прежде чем напасть на эти владения. Таким образом, у переселившегося туда государя будет очень трудно отнять их.

Другое отличное средство состоит в том, чтобы основать одну-две колонии, которые прикрепили бы эту местность к новому государству. В противном случае потребуются держать там множество солдат, и пеших и конных. Колонии обходятся недорого; выслать и содержать колонистов государю не стоит почти ничего, ведь при этом внакладе остаются только те жители, у которых отбирают их дома и надель в пользу переселенцев, а эти жители составляют небольшую часть новых подданных, и они не могут причинить вреда государю вследствие своей нищеты и разобщенности. Все же прочие, с одной стороны, не будучи ущемленными, лишены повода для беспокойства, а с другой — они будут осторожны, наученные чужим примером и опасаясь, как бы с ними не поступили так же. Я заключаю, что колонии не требуют затрат, они более надежны и вызывают меньшее недовольство. Недовольные же безвредны, будучи, как я уже сказал, разобщены и бедны. По этому поводу следует заметить, что людей должно либо миловать, либо казнить, ведь небольшие обиды будут всегда взывать к отмщению, а за тяжкие люди отомстить не в силах. Так что, нанося обиду, следует устранить возможность мести. Но если вместо колонии используется вооруженный гарнизон, он требует куда больших расходов, и в конце концов для охраны новых владений потребуются все сред-

ства государства. Приобретение, таким образом, обернется уроном. К тому же расквартирование войска в разных местах приносит куда больше вреда и ущемляет все население, всякий страдает от этого неудобства и становится врагом нового государя, притом врагом опасным, который после поражения остается в собственном доме. Итак, с любой точки зрения такой способ защиты новых владений настолько же невыгоден, насколько выгодно основание колоний.

Тот, кто находится в чужеродной, как было описано выше, провинции, должен еще взять под свое покровительство ее мелких соседей, стараясь ослабить наиболее влиятельных, и остерегаться, чтобы не возник повод к вмешательству в дела этой области другого властителя, столь же могущественного, как и он сам. А повод, чтобы воспользоваться недовольством чрезмерно честолюбивых или напуганных обитателей, всегда появится, как можно судить по призванию римлян в Грецию этолийцами — вообще во все завоеванные ими провинции римлян приглашали местные жители. Как только чужеземный завоеватель вторгается в какую-либо страну, все мелкие властители примыкают к нему, и это в порядке вещей, ибо ими движет ненависть к прежнему поработителю, так что завоевателю нечего беспокоиться о том, как привлечь этих людей на свою сторону; все они тут же присоединяются к его новым владениям. Он должен только следить, чтобы они не обзавелись слишком большими силами и влиянием. Его собственных сил и расположения сторонников вполне достаточно, дабы справиться с соперниками и полностью овладеть новой провинцией. Но тот, кто не примет подобных мер, вскоре лишится завоеванного, а до того погрузится в неисчислимые труды и заботы.

Римляне неукоснительно соблюдали эти правила в завоеванных ими провинциях: они основывали колонии, привлекали к себе менее влиятельных лиц, ни в чем им

не потворствуя, и ослабляли более влиятельных; для чужеземных властителей они не оставляли ни малейшей лазейки. Ограничусь только примером Греции. Ахейцев и этолийцев римляне привлекли на свою сторону; Македонское царство было принижено, и оттуда был изгнан Антиох. Однако заслуги ахейцев и этолийцев не послужили основанием, чтобы позволить им расширить свои владения; никакие заверения Филиппа в дружбе не помешали римлянам ослабить его, а могущество Антиоха не заставило их признать его право на владение какой бы то ни было территорией в Греции. Римляне в этих случаях поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь, предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале ее легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах: зная заранее (что бывает дано только мудрым людям) о грозящих несчастьях, можно их предупредить, но если этого не случилось и угроза стала очевидной для каждого, тут уже ничем не поможешь.

Римляне, чуя приближение беды издалека, всегда принимали нужные меры и ради этого не боялись даже вступить в войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, а можно только оттянуть ее к выгоде других. Они предпочли воевать с Филиппом и Антиохом в Греции, чтобы не сражаться с ними потом в Италии; в свое время они могли избежать обеих войн, но не захотели этого. Они никогда не придерживались того правила, которое вечно на устах мудрецов нашего времени: «Воспользоваться преимуществами выжидания». Преимущество

римлян заключалось только в собственных доблести и благоразумии, ведь время несет с собой всяческие перемены, при которых добро оборачивается злом, а зло — добром.

Но вернемся к Франции и посмотрим, прибегла ли она к какому-нибудь из вышеописанных способов. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике¹, потому что он дольше удержался в Италии и предпринятые им шаги заметны гораздо отчетливее. Вы можете убедиться, что он поступал все время наперекор тому, что следовало бы делать для закрепления своих владений в иноязычной стране.

Король Людовик оказался в Италии благодаря притязаниям венецианцев, которые намеревались воспользоваться его приходом, чтобы овладеть половиной Ломбардии. Не стану упрекать короля за этот поступок: желая закрепиться в Италии, он не располагал союзниками внутри страны, и все двери были закрыты перед ним из-за воспоминаний о его предшественнике Карле, поэтому выбирать друзей было не время. Людовик добился бы своей цели, если бы не допустил никаких других ошибок. Заняв Ломбардию, король вернул бы французам уважение, утраченное при Карле; Генуя уступила, флорентийцы заключили с ним союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, Бентивольи, хозяйка Форли, правители Фазнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, жители Лукки, Пизы, Сиены — все искали его дружбы. Тогда-то венецианцы осознали всю безрассудность своего поступка: взамен пары местечек в Ломбардии они сделали короля властелином двух третей Италии.

Судите теперь, сколь нетрудно было королю утвердиться в Италии, если бы он соблюдал вышеописанные правила, поддерживая и защищая своих многочислен-

¹ Карл VIII находился в Италии с августа 1494 г. по июль 1495 г., Людовик XII вел там войны с 1499 по 1515 г.

ных и слабых сторонников, находившихся в страхе кто перед церковью, кто перед венецианцами и вынужденных следовать за ним. С их помощью Людовик легко обезопасил бы себя от более могущественных соперников. Но едва он очутился в Милане, как поступил наоборот, оказав папе Александру¹ содействие в захвате Романьи. При этом король даже не заметил, что, отталкивая от себя доверившихся ему сторонников и друзей, он ослабляет свое влияние и усиливает церковь, прибавляя к ее огромной духовной власти еще и светскую. За этой первой ошибкой неизбежно последовали и другие. В конце концов, чтобы обуздать властолюбие Александра и помешать ему завладеть Тосканой, король был вынужден вступить на территорию Италии. Мало того что он возвысил церковь и лишил себя союзников; с вождедением взирая на Неаполитанское королевство, он разделил его с королем Испании, и если до этого судьбы Италии были в его руках, то теперь он обзавелся сотоварищем, дабы у всех честолюбцев и недовольных в этой стране был покровитель. При этом Людовик удалил из королевства того, кто мог бы платить ему дань, заменив его правителем, угрожавшим изгнать его самого². Разумеется, желание приобретать — вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и все же добиваются приобретений любой ценой, то в этом заключается ошибка, достойная порицания. Если силы Франции позволяли ей обрушиться на Неаполь, так и следовало поступить, если же не позволяли, не следовало ни с кем делить его. Подобная сделка с венецианцами в Ломбардии заслуживала оправдания,

¹ Александр VI Борджиа.

² Король Людовик XII заключил тайный договор о разделе Неаполитанского королевства с Фердинандом Католическим, при этом трона лишился Федерико I Арагонский, бывший в родстве с последним.

потому что позволила французам закрепиться в Италии; в случае с Неаполем она подлежит осуждению, ибо не была вызвана сходной необходимостью.

Таким образом, Людовик допустил пять ошибок: он вывел из игры более слабых правителей; усилил одно из могущественнейших лиц в Италии; допустил туда чужеземного властелина; не перенес туда своей резиденции и не основал там колоний. Но все эти ошибки, пока он был жив, могли и не причинить большого вреда, если бы он не сделал шестую, отобрав владения у венецианцев. Не допусти он возвышения церкви и не призови в Италию испанцев, ослабить их было бы действительно разумно и необходимо, но после допущенных просчетов не следовало соглашаться на расправу с венецианцами. Пока они оставались в силе, никто не отважился бы посягнуть на ломбардские земли: венецианцы никогда не согласились бы на это, потому что сами пожелали бы претендовать на французскую долю, а все остальные ни за что не захотели бы отнять ее у Франции и отдать венецианцам. Выступить же против двоих хозяев Ломбардии никто бы не посмел. А если кто-то возразит, что Людовик уступил Романью Александру и Неаполитанское королевство Испании, чтобы избежать войны, то я сошлюсь на вышеприведенные доводы: война все равно начнется, но промедление обернется против тебя. Если же напомнят, что король пообещал папе выступить ради него в поход в обмен на свой развод и кардинальскую шапку для архиепископа Руанского¹, то я отвечу тем, что будет сказано мною ниже относительно обещаний, даваемых государями, и о том, как их следует выполнять.

Итак, король Людовик лишился Ломбардии потому, что не соблюдал правил, которых придерживались все

¹ Александр VI разрешил Людовику развестись с Иоанной Французской, сестрой Карла VIII, и жениться на его вдове, Анне Бретонской, а также сделал кардиналом первого министра короля, Жоржа Д'Амбуаза, архиепископа Руанского.

завоеватели, желавшие удержать покоренные страны. Так что здесь нет ничего удивительного, все естественно и легко объяснимо. Об этом предмете я беседовал с кардиналом Руанским в Нанте, когда герцог Валентинно, как в народе называли сына папы Александра Чезаре Борджиа, захватил Романью. Кардинал заявил мне, что итальянцы несведущи в военных делах, на что я ему ответил, что французы ничего не смыслят в делах государственных, ибо в противном случае они не допустили бы подобного возвышения церкви. Опыт показал, что Франция способствовала росту влияния церкви в Италии и Испании, и это привело к ее собственному краху. Отсюда можно извлечь общее правило, почти непреложное: кто делает другого могущественным, тот погибает, ведь наделять могуществом можно с помощью либо силы, либо умения плести интриги, а оба этих качества вызывают подозрение у ставших могущественными людей.

Глава IV

По какой причине в царстве Дария, захваченном Александром, после смерти последнего не вспыхнул мятеж против его преемников

Узнав о трудностях, связанных с удержанием новых владений, кто-то может задать вопрос, почему не вспыхнуло восстание в Азии, которой Александр Великий овладел за несколько лет и вскоре после этого умер. Следовало ожидать крушения его государства, однако преемники Александра удержались у власти, и единственным препятствием, которое встретилось им при этом, были раздоры между ними, вызванные их собственным властолюбием. На это я отвечаю, что все известные доньше принципаты бывали управляемы одним из двух способов: либо в них был один государь, а все прочие подневольные слуги, содействующие ему в управлении по его милости и соизволению, либо государь правил вместе с баронами, которые обладали своим саном не по прихо-

ти властителя, но благодаря древности происхождения. У этих баронов есть собственные владения и подданные, признающие их господами и питающие к ним естественную привязанность. Государство, управляемое монархом через его слуг, дает правителю больше власти, ибо в такой стране верховным владыкой признают только его, а прочим должностным лицам подчиняются как государевым чиновникам, к которым никто не питает особенной любви.

В наше время примеры двух разных способов управления являют французский король и турецкий султан. Вся турецкая монархия подчиняется одному господину, все остальные — его рабы, все царство разделено на санджаки¹, куда султан назначает управляющих и заменяет их, когда и как он того пожелает. Французский же король исстари окружен множеством господ, которые пользуются властью над своими подданными и их любовью; у них есть свои привилегии, на которые королю посягать небезопасно. Если сравнить эти два государства, то можно убедиться, что завоевать владения султана трудно, но одержав победу, их легко сохранить за собой.

Трудности овладения державой султана заключаются в том, что завоеватель не может быть призван туда местными князьями и не может рассчитывать на то, что его предприятие будет облегчено мятежом султанского окружения, как вытекает из вышеназванных причин. Рабов, которые всем обязаны султану, не так-то легко подкупить, а если и удастся, то от этого следует ожидать мало пользы, ведь они, по вышеупомянутым соображениям, не смогут увлечь за собой народ. Поэтому нападающий на султана должен готовиться к встрече со сплоченным врагом и рассчитывать больше на собственные силы, чем на раздоры в стане противника. Но если турок потерпит поражение в битве, такое, что он не смо-

¹ Санджаки — территориальные округа в Османской монархии.

жет оправиться и набрать новое войско, то угрозу следует видеть только в выходцах из правящей династии, расправившись с которыми можно никого больше не бояться, ибо все остальные не пользуются влиянием в народе, и как раньше завоеватель не мог на них рассчитывать, так и теперь ему не нужно их бояться.

Противоположным образом дело обстоит в королевствах, управляемых подобно Франции: туда нетрудно внедриться, сговорившись с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда много недовольных и охотников до перемен. По этим причинам они расчищают перед тобой путь в свою страну и облегчат твою победу, но, желая удержать завоеванное, ты столкнешься с бесчисленными трудностями, вызванными как помогавшими, так и противостоявшими тебе баронами. Тут уже недостаточно будет истребить семью государя, а придется иметь дело с этими сеньорами, которые возглавят новые мятежи. Их невозможно ни удовлетворить, ни уничтожить, поэтому при первом удобном для них случае ты лишишься власти.

Итак, если вы рассмотрите природу Дариева царства, то вы найдете в нем сходство с турецкой монархией; вот почему Александру необходимо было целиком всколыхнуть его и разбить Дария в сражении, но после победы и смерти царя Александр мог не опасаться за свою власть по вышеизложенным причинам. И если бы его преемники не ссорились между собой, они безмятежно могли бы наслаждаться властью, ведь в этом царстве не было никаких беспорядков, кроме вызванных их собственными распрями. Но управление государствами, устроенными подобно Франции, влечет за собой куда больше забот. Этим и были вызваны частые восстания против римлян в Испании, во Франции и в Греции: многочисленностью княжеств, на которые были разделены эти страны. Пока память о них была свежа, господство римлян не отличалось прочностью, но когда эта память развеялась благодаря могуществу и долговечности власти

римлян, их владычеству уже ничто не угрожало. И даже когда римляне стали воевать друг с другом, каждого из противников поддерживала та часть названных провинций, где он располагал властью. Династии прежней знати угасли, и жители признавали правителями только римлян. После всего вышеизложенного никто не удивится той легкости, с которой Александр удерживал за собой государство в Азии, и тем трудностям, с которыми столкнулись Пирр и многие другие, желая удержать завоеванное. Это было вызвано не наличием или отсутствием доблести у завоевателей, а различиями завоеванных стран.

Глава V

Каким образом следует управлять городами или принципатами, которые до завоевания жили по своим законам

Когда новоприобретенные государства, как мы сказали, привыкли жить свободно и подчиняться собственным законам, удержать их можно тремя способами: первый — разорить их; второй — самому там поселиться; третий — оставить там прежние законы, получая оттуда определенный доход и назначив там правительство из немногих лиц, которые сохраняли бы преданность тебе. Получив власть из рук нового государя, они осознают, что смогут сохранить ее только благодаря его расположению и мощи, и будут всячески стараться упрочить его господство. Самый лучший способ удержать город, привыкший к вольности, если ты хочешь сохранить его в целостности, — это использовать его собственных граждан.

In exemplis¹ спартанцы и римляне. Спартанцы удерживали за собой Афины и Фивы, поставив там у власти немногих лиц, tamen² они снова лишились этих горо-

¹ Примером служат (лат.).

² Однако (лат.).

дов. Римляне разрушили Капую, Карфаген и Нуманцию, чтобы сохранить их, и их замысел удался. Желая удержать Грецию, они пошли по стопам спартанцев, оставив там свободу и сохранив ее законы, но потерпели неудачу и были вынуждены разорить многие города этой страны, чтобы утвердиться в ней. Ведь на самом деле верный способ овладеть какой-либо провинцией — это разорить ее. Тот, кому достается город, привыкший к свободной жизни, и он не разваливает его до основания, тот будет сам погребен его жителями, которые всегда смогут прибегнуть к восстанию, провозгласить свободу и возврат к прежним обычаям, память о коих не стирают ни бег времени, ни полученные благодеяния. И что тут ни делай и ни придумывай, если жители не были разъединены и рассеяны, они не забывают прежней вольности и прежних порядков, которые при каждом подходящем случае превозносятся вновь; так было в Пизе через 100 лет после ее покорения флорентийцами. Но если города или провинции привыкли подчиняться одному государю, род которого пресекается, они не сумеют избрать нового правителя из своей среды, утратив прежнего, и жить на свободе, имея навык к повиновению. Поэтому им труднее будет взяться за оружие, а завоевателю легче привлечь их к себе и обезопасить себя от мятежа. В республиках же больше воли к жизни, глубже ненависть и сильнее желание отомстить; память о старинной вольности не ослабевает и не дает им покоя, поэтому надежнее всего уничтожить их или туда переселиться.

Глава VI

О новой власти, приобретаемой с помощью собственного оружия и доблести

Пусть никого не удивляет, что, говоря о принципатах, получающих нового государя и новое устройство, я буду ссылаться на великие примеры, ведь люди все время

идут по путям, проложенным другими, и подражают им в своих поступках, но не могут целиком следовать чужим путем и достичь той же доблести, что и образцы, поэтому разумный человек должен все время шествовать по тропинкам, протоптанным великими людьми, и подражать выдающимся, чтобы в отсутствие равной доблести сохранялось хотя бы ее подобие. Так поступают опытные лучники: зная удаленность места, в которое они целятся, и дальноточность лука, они выбирают цель гораздо выше мишени, но не для того, чтобы пустить стрелу на такую высоту, а для того, чтобы, прицелившись столь высоко, достичь желаемого. Итак, я скажу, что новому государю бывает легче или труднее удержать власть в зависимости от того, большей или меньшей доблестью располагает завладевший ею. Сам переход от положения частного лица к сану государя предполагает содействие доблести или фортуны, и наличие каждого из этих двух условий отчасти уменьшает встречающиеся трудности. Тем не менее тот, кто меньше полагается на фортуны, находится в большей безопасности. Дело также упрощается, когда государь бывает вынужден из-за отсутствия других владений *personaliter*¹ поселиться в новых. Переходя теперь к тем лицам, которые стали государями благодаря своей доблести, а не фортуны, я назову среди самых выдающихся Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных. Хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, ибо он был простым исполнителем предначертаний Бога, *tamen*² восхищения в нем заслуживает уже *solum*³ та благодать, которая удостоила его бесед с Богом. Но если мы обратимся к Киру и другим основателям и завоевателям царств, то увидим, что все их деяния были удивительными, и если рассмотреть их отдельные

¹ Лично (*лат.*).

² Однако (*лат.*).

³ Только (*лат.*).

поступки, они не будут расходиться с поступками Моисея, у которого был столь высокий наставник. Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представься случай, доблесть духа этих людей угадала бы в неизвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно. Следовательно, Моисей должен был найти народ Израиля в Египте поработанным и угнетенным египтянами, чтобы он был готов пойти за ним ради освобождения из рабства. Ромулу надо было прийти не ко двору в Альбе и быть брошенным на произвол судьбы после рождения, чтобы он стал царем Рима и основателем Римского отечества. Киру необходимо было застать среди персов недовольство властью мидян, а мидян слабыми и изнеженными вследствие долговременного мира. Тезею не пришлось бы проявить свою доблесть, если бы он нашел Афины сплоченными. Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию.

Тот, кто становится государем доблестным путем, наподобие вышеназванных лиц, тому власть достается трудно, но удержать ее легко, а трудности приобретения власти возникают отчасти из-за новых порядков и установлений, которые правители вынуждены вводить для упрочения нового устройства и собственной безопасности. Следует заметить, что нет начинания, которое так же трудно задумать, с успехом провести в жизнь и безопасно осуществить, как стать во главе государственного переустройства. Враги преобразователя — все те, кто благоденствовал при прежнем режиме; а те, кому нововведения могут пойти на пользу, защищают его довольно прохладно. Это отсутствие пыла связано отчасти со страхом перед противниками, на стороне которых закон,

отчасти с недоверчивостью людей, которые не верят в новшества, пока они не подкреплены опытом. Поэтому всякий раз, как противники располагают возможностью для нападения, они ее рьяно используют, защитники же рвения не проявляют, так что новые порядки оказываются под угрозой. Желая хорошенько вникнуть в этот предмет, следует разобрать, являются ли эти преобразователи самостоятельными или зависят от других, то есть должны ли они для достижения своих целей просить о помощи или могут прибегать к силе. В первом случае будущее им ничего не сулит и они ничего не добиваются, но если они зависят только от себя и могут принуждать других, тогда в большинстве случаев им ничего не угрожает. Вот почему все вооруженные пророки победили, а все безоружные погибли, ведь, помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чем-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру. Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными, как показывает происшедшее в наше время с братом Джироламо Савонаролой, который потерпел крах со своими новыми порядками, как только масса перестала ему верить, а он не мог удержать тех, кто поверил ему раньше, и заставить поверить сомневающимся. Итак, подобные деятели сталкиваются со множеством трудностей, и все опасности, встречающиеся им на пути, они должны преодолевать своей доблестью. Но, пройдя через опасности и завоевав уважение, расправившись с теми, кто должен испытывать к ним зависть, они пребывают в могуществе, почете, безопасности и довольстве.

К столь возвышенным примерам я хочу добавить один менее значительный, но он чем-то им сродни, и я ограничусь только им; речь идет о Гиероне Сиракузском. Из частного лица он стал правителем Сиракуз, и при

Макиавелли Н.

М 15 Государь / Никколо Макиавелли ; пер. с ит. М. Юсима. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-07365-4

«Государь» — самая значительная и неоднозначная работа флорентийского государственного деятеля эпохи Возрождения Никколо Макиавелли. Долгие годы эта книга ассоциировалась с политикой яда и кинжала. После выхода в свет «Государя» появился термин «макиавеллизм», обозначающий цинизм, вседозволенность, двуличие в политике. Однако сегодня многие положения автора воспринимаются не столь однозначно, найдя свое воплощение в истории XX века. Помимо «Государя» в данном издании публикуется другая знаменитая работа Макиавелли «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», дополняющая и проясняющая многие моменты основного труда автора. Оба текста представлены в наиболее современном на сегодняшний день переводе и снабжены примечаниями.

УДК 94(4)

ББК 63.3(0)4

Литературно-художественное издание

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

ГОСУДАРЬ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Кирилла Иванова
Корректоры Елена Терскова, Дмитрий Гуляев
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 04.09.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22,56.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFA-15376-11-R